

КОНТОРА: Спб., Караванная ул. 7. Ц. 10 к. № 4. — 28 Января 1906 г.

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

№ 4 „Волшебнаго Фонаря“ вышелъ вмѣсто 22 Января 29 Января
вслѣдствіе технического переустройства типографіи.

Открыта подписка на 1906 годъ

НА

Волшебный Фонарь

Подъ редакціей И. Н. Потапенко.

Еженедѣльный журналъ общественной и политической сатиры и карикатуры.

Смѣхъ—такое же орудіе борьбы, какъ ружья, пушки, револьверы, торпеды, сабли и ножи. Но въ то время, какъ эти орудія дѣйствовали во всю, смѣхъ на Руси бездѣйствовалъ, ему былъ зажатъ ротъ и онъ принужденъ былъ ограничиваться беззубымъ хихиканьемъ по адресу того, что менѣе всего заслуживало осмѣянія.

Теперь мы получили право смѣяться и будемъ смѣяться смѣло, громко и безпощадно. И пусть всякій, кто владеетъ этимъ тонкимъ и острымъ оружіемъ, приходитъ къ намъ и смѣется вмѣстѣ съ нами. Будь то слово или рисунокъ, страницы нашего журнала къ его услугамъ. Смѣхъ громкій, смѣлый и безпощадный. Но, избави насъ Богъ отъ грубаго площадного смѣха,—онъ достоиніе улицы, мы же работаемъ въ храмѣ искусства.

Подписка приним. въ конторѣ журнала СПб. Караванная 7.

Подписная цѣна за годъ 4 рубля.

полгода 2 р. 50 к.

Выходитъ по Воскресеньямъ Отдѣльный № 10 коп.
Издатель. К. Четвериковъ

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ виду того, что Управление Спб. Городскихъ телефоновъ не можетъ опредѣлить, когда, наконецъ, будутъ поставлены телефоны у абонентовъ, заявившихъ требованіе болѣе 15 мѣсяцевъ тому назадъ, контора „Волшебнаго Фонаря“ проситъ частныхъ лицъ указать способъ скорого получения телефона. Если по такому будетъ полученъ немедленно телефонъ, то контора обѣщаетъ за это бесплатную высылку журнала въ 1906 г.

Къ свѣденію: кабель проложенъ еще въ началѣ Ноября 1905 г.

Контора „Волшебнаго Фонаря“, Караванная 7.

Передъ бурей.

Волюшка, волюшка,
Выгляни въ окошечко;
Твои дѣтки плачутъ,
Землю колупаютъ,
Дѣтки голодаютъ,
Намъ ѣсть не даютъ,
Пулеметами бьютъ.

На-Танъ.

Чиновникъ особыхъ порученій при...
Губернаторѣ.

Дневникъ хроникера.

(матеріалы для будущаго историка)

Января 9-го. День наступилъ при мертвой тишинѣ. Правительство дрожитъ отъ страха, но старается смѣяться. Приняты „всѣ“ мѣры. Пароль: „холостыхъ не давать, вверхъ не стрѣлять“. Съ цѣпей спущены самые лютые звѣри и барбосы. Боевымъ частямъ выдано удвоенное количество

патроновъ. Желаящихъ быть разстрѣлянными—мало. Вездѣ мракъ. Улицы пусты... Правительство смѣется... сквозь слезы.

Января 10-го. Въ Персіи введена конституція... Обыски на вокзалахъ отмѣнены. Кровавое число прошло при полномъ мракѣ. Правительство въ отчаяніи: убитыхъ очень и очень мало; въ столицѣ ни одного. Нейдгардтъ и Медемъ въ виду этого подаютъ въ отставку. Князь Мещерскій въ восторгѣ отъ „симптома власти“ Оедора Дурново. Заправскіе провокаторы и шпіоны остались съ носомъ. Правительство переводитъ духъ. Коковцевъ экстренно телеграфируетъ о „надеждѣ“ выудить у французовъ звонкаго металла. „Надежда“ не производитъ фурора. „Новое Время“ находитъ, что „Нов. Время“ лжетъ. Всѣ охотно вѣрятъ.

Января 11-го. „Военныя и другія положенія“ не сняты. Аресты продолжаются. Тюрьмы потѣютъ. Въ Умани апельсинъ залетѣлъ въ участокъ. Взрыва не произошло. Тульскіе дворяне конкурируютъ съ Курскими: просятъ тоже субсидіи на борьбу съ революціей; они постановили отказаться отъ пряниковъ и на эти деньги вооружить пряничную черную сотню. Прибалтійскій край все еще бушуетъ; генералъ Орловъ ждетъ подкрѣпленій и дальнѣйшихъ орудій.

Храбрый Минъ получаетъ чинъ кроваваго генерала. Агитація въ Думу не клеится. Пока Дума откладывается до... 1-го Апрѣля. Никто не обращаетъ вниманія. Положеніе крайне щепетильное. Ждутъ чего-то.

Января 12-го. Ждутъ ослабленія реакціоннаго прессы. Дедюлинъ напоминаетъ „чинамъ“—зорко слѣдить за издателями. Новый мин. юст. Акимовъ не вѣритъ слухамъ о своей отставкѣ. Астрономъ Демчинскій сбѣжалъ изъ партіи трехъ покоевъ. „Новое Время“ и „Слово“ протягиваютъ дружественно другъ другу свои длани для борьбы съ крамолой. Они открываютъ фондъ въ пользу всемірнаго черносотеннаго Союза. Новый приказъ: разсѣивать холоднымъ оружіемъ. Всѣ въ ожиданіи. Дѣлается холодно.

Января 13-го. Министры усиленно совѣщаются. О щедрыхъ наградахъ не слышать. Они протираютъ другъ другу глаза, но все таки не знаютъ, какъ дальше смотрѣть и ступать. Дурново проситъ содѣйствія у типографовъ,—подъ страхомъ

пытки онъ любезно предлагаетъ не печатать „остро“ пахнувшихъ вещей „преступнаго“ содержания. Въ случаѣ неповиновенія, онъ угрожаетъ арестомъ не только редакторамъ и издателямъ но также наборщикамъ, накладчикамъ, крутетьщикамъ, смазчикамъ и т. д... вплоть до котенка, „остро“ мурлыкающаго на конторкѣ. Въ память 17-го окт. запечатываются 17 типографій.

Января 14-го. Графъ Витте не теряетъ надежды... на заемъ. Прокуратура завалена исками, за незаконное закрытіе изданій. Ждутъ въ виду этого „времен. правилъ“ о томъ, что иски и прокуратура—это двѣ отдѣльныя вещи. Газета „Воен. голосъ“ вноситъ поправку, что революціонеровъ разстрѣливаютъ statim только уже по выходѣ изъ тюрьмы. Витте закрываетъ одно ухо. Положеніе выжидательное.

Н. Ф-дъ.

Дворяне.

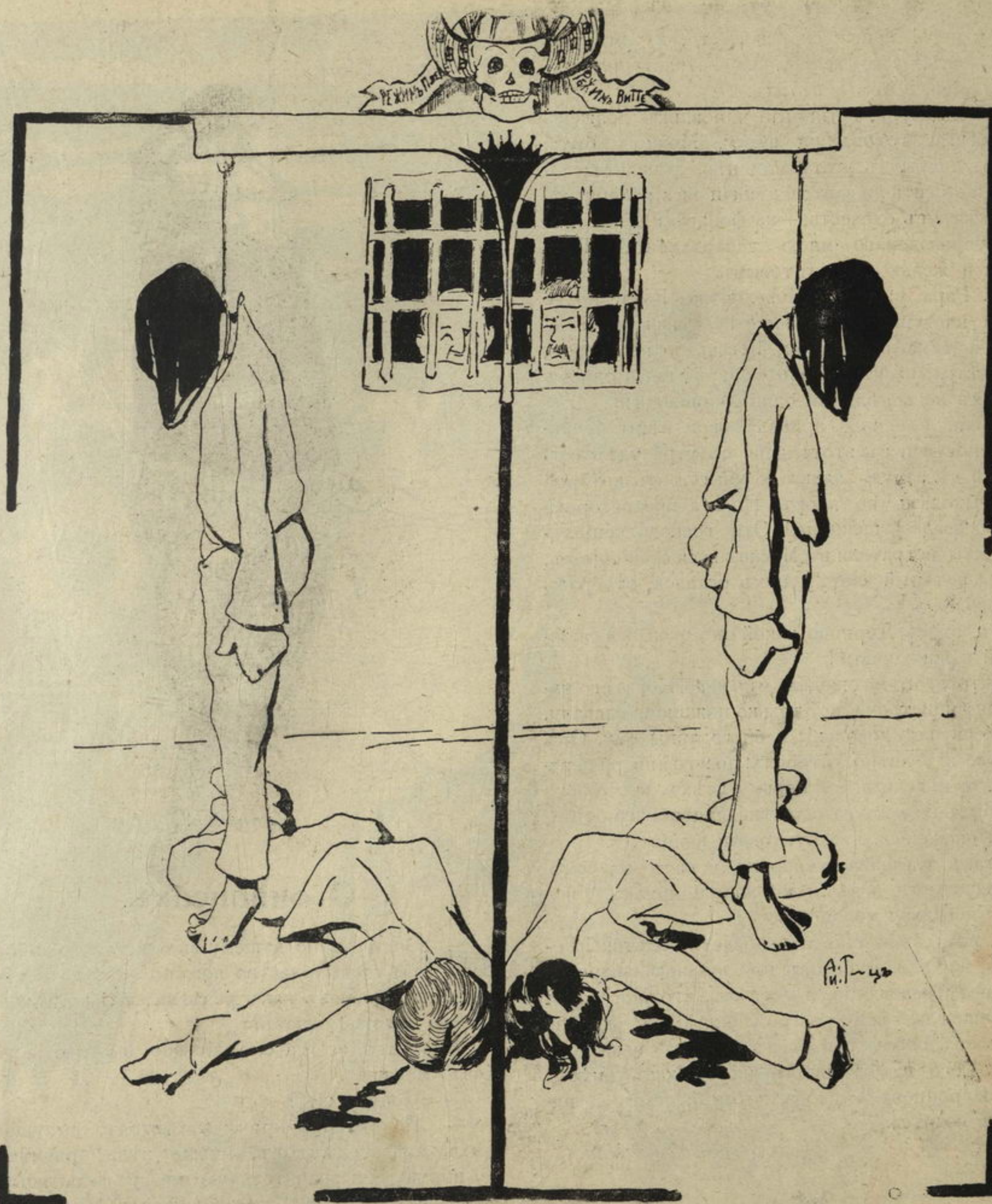
Благодѣтели христіанскіе,
Предводители дворянскіе
Со всея Руси съѣзжались,
Въ одну кучку собирались
И лишь къ дѣлу приступили,
Разобрать вопросъ рѣшили:
Какъ спасти имъ Русь любимую,
Треволненіями губимую?
По недолгомъ разсужденіи,
Они вынесли рѣшеніе:
Обезпечить неотложно
Всѣхъ дворянъ безъ исключенія,
А безъ этого—спасеніе
Для Россіи невозможно.

В.

Переписка.

Милая Мимі, ты, конечно, ждешь отъ меня ужасающихъ описаній событій, бывшихъ здѣсь въ этотъ знаменитый день, 9-го Января, но представь—событій вовсе не было, не только кровавыхъ, но просто ни какихъ.

Правда, ожидали Богъ знаетъ чего. Рара накануне ѣздила къ своему духовнику, одному почтенному и заслуженному протоіерею и исповѣды-

ДВА РЕЖИМА.

Какая страшная разница!

При Плеве.

При Витте.

вался у него! Маман спросила его, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ,—вѣдь теперь еще не наступилъ великій постъ, и онъ отвѣтилъ:

— Мой другъ, истинный чиновникъ долженъ быть всегда готовъ ко всему. Можетъ быть, именно теперь, въ этотъ моментъ, рѣшается вопросъ, повѣситъ-ли завтра меня и мнѣ подобныхъ вѣрныхъ слугъ отечества—на фонарь или на воротахъ управляемаго мною департамента? Такъ вотъ я и желаю быть готовымъ.

Но Рара ужасно преувеличилъ. Вотъ и 9-е января наступило, а никого не вѣшаютъ. Вечеромъ, я сама видѣла, на Невскомъ проспектѣ, ярко свѣтили электрическіе фонари и ни на одномъ изъ нихъ не висѣлъ ни одинъ чиновникъ.

Маман, конечно, приняла свои мѣры предосторожности и въ этотъ день съ утра удалилась со мной въ самую заднюю комнату, изъ которой окна выходятъ во дворъ. Но эта предосторожность оказалась излишней. Эти господа социал-демократы истратили въ Москвѣ весь свой порошокъ, а тотъ, который еще у нихъ остался, отобралъ Дурново.

Ахъ, этотъ Дурново, какой онъ оказался энергичный и находчивый!

Никто этого не ожидалъ отъ него. Когда его назначили министромъ, всѣ только пожимали плечами. А теперь всѣ довольны и благодарны ему. Онъ такъ всё это хитро устроилъ: до 9-го января переловилъ и посадилъ въ тюрьму всѣхъ, кто только даже былъ похожъ на человѣка, способнаго бунтовать и оказалось, что бунтовать некому.

Я такъ слышала—говорили у насъ въ домѣ. Но, разумѣется, я въ этомъ мало понимаю. А все таки и я скажу: молодецъ!

Да, вотъ тебѣ еще изъ области политики. Говорятъ, что адм. Дубасовъ, проснувшись на другой день послѣ революціи, и увидѣвъ, что Москва далеко еще не вся разгромлена, былъ крайне недоволенъ собою и просилъ, въ видѣ наказанія, послать его намѣстникомъ на Кавказъ вмѣсто графа Воронцова-Дашкова, который старъ и никуда не годится.

Цѣлую тебя. Твоя Nini.

На стражѣ.

О финансахъ.

— „Значитъ, по вашему выходитъ, что добросовѣстное правительство должно выпускать кредитныхъ билетовъ какъ разъ на столько, каковъ у него золотой запасъ?“

— „Нѣтъ, всегда оно должно выпускать гораздо меньше“.

— „Почему же?“

— „Потому что кромѣ кредитокъ, выпущенныхъ правительствомъ, нужно вѣдь принимать во вниманіе и значительную массу фальшивыхъ бумажекъ, которыя тоже находятся въ обращеніи“.

В.

Диковинная штука

(Вродѣ басни).

Посвящается А. С. С.

На самомъ видномъ мѣстѣ
На домѣ шпицъ стоялъ,
А на верху былъ пѣтушокъ изъ жести,—
Онъ просто флюгеръ представлялъ.
И флюгеръ самый былъ простой:
Коль вѣтеръ дулъ, хоть небольшой
Такъ онъ вертѣлся отъ него,—
И больше ничего.
Но вотъ однажды вечеркомъ
Случился казусъ съ пѣтушкомъ:
Вдругъ пѣтъ онъ сталъ
И съ той поры не замолкалъ.
Но пѣлъ не какъ пѣтухъ живой,
А на манеръ иной.
Коль вѣтеръ, на примѣръ, съ востока дулъ,
Такъ слышался пріятный мягкій гулъ,
Коль съ юга повѣвалъ,
Такъ пѣтушокъ тихонечко свисталъ,
А если сиверка несла,
Такъ пѣснь особая была.
Одинъ догадливый твердилъ,
Что мастеръ къ пѣтушку свистокъ прибилъ.
Другіе иначе объ этомъ толковали,
Но скоро правду всѣ узнали.
И дѣло, оказалось, просто въ томъ,
Что шпицъ-то деревянный, ну и въ немъ
Большая трещина была
И въ заблужденіе всѣхъ ввела.
И, стало быть, не флюгеръ пѣлъ,
А вѣтеръ въ трещинѣ свистѣлъ.

Бываетъ, что иной
Министръ, иль такъ—себѣ—сановникъ подставной
Такія аріи на міръ весь задаетъ,
Такъ о свободахъ пламенно поетъ,—
Что, кажется, въ томъ пѣньи
Звучитъ глубокое святое убѣжденіе.
Но присмотрись—и вотъ сюрпризъ неожиданный:
Душа его—боченокъ деревянный
Изъ подъ казенной монополии.
Онъ пусть,—и вѣтеръ въ немъ свиститъ на волѣ...

В.

Изъ истории одного вооруженнаго возстанія.

(Пылкая фантазія).

I

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.— И такъ. Понимаете? Ваши агенты должны организовать вооруженное возстаніе! Но только маленькими группами. Мы ихъ такъ по частямъ и поразстрѣляемъ, этихъ „товарищей-пролетаріевъ“. Ну, а своихъ предупредите, чтобы всегда съ этими тряпками красными на палкахъ впереди были. Войскамъ отдадимъ секретный приказъ: въ знаменосцевъ не стрѣлять, а потихоньку ихъ живьемъ доставить, безъ всякихъ членовредительствъ. Такъ что они могутъ быть спокойны. Заарестуемъ всѣхъ этихъ знаменосцевъ, разберемся тамъ, которые свои... Ну, и дадимъ возможность побѣгъ что-ли устроить. Тамъ видно будетъ. И жизнь, и честь ихъ внѣ опасности. Поняли?

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство....

II

Въ казармѣ.— Такъ что, ребята, гляди! Въ знаменосцевъ, съ флажками, значить, которые съ красными,—стрѣлять а ни-ни, не могли! Потому самые бунтовщики. Живьемъ ихъ мерзавцевъ взять и по начальству представить. Поперевѣшаютъ ихъ каналій. Понаучатъ ихъ народъ супротивъ начальства бунтовать!

III

На улицѣ. Послѣ боя.— Рракалин! Сволочи! Мерзавцы! Какого чорта дернуло коновода—зачинщика ихняго пристрѣлить! Какъ я объ этомъ командиру доложу? Сознаться, кто это отличился? Выходи!

— (Молоденькій, бодрый солдатикъ, выходитъ впередъ изъ рядовъ).— Такъ что, ваше бродіе, морда ужъ у него очень противная! Не выдержалъ, ну и уложилъ.

Н. Ад-мъ.

Невѣроятный слухъ.

Въ Петербургѣ ходятъ упорные слухи, будто Таврическій дворецъ спѣшно передѣлывается въ тюрьму. Мѣра эта вызвана антигигіеническимъ состояніемъ тюремъ и желаніемъ правительства отвѣчать послѣднимъ требованіямъ пенитенціарныхъ принциповъ.

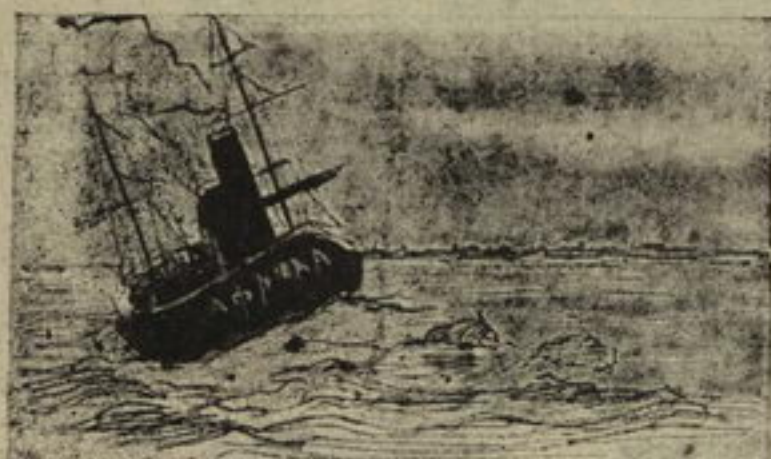

Витте знаетъ какъ, спасти Россію...

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕНЕРАЛА ДУБАСОВА.

1) 1877 г. Взрываетъ турецкій мониторъ и получаетъ Георгія.

2) 1885 г. Сажаетъ на мель русскій крейсеръ. Ничего не получаетъ.

3) Обзываетъ непечатными словами товарища—офицера.

4) 1896 г. Занимаетъ Портъ-Артуръ—первая ласточка Р.-Японск. войны.

5) Дерется съ директоромъ ораніенб. на-роходства.

6) Колотитъ чиновника. Выходитъ въ отставку.

7) Русскій агентъ въ Берлинѣ—дерется съ нѣмецк. жандармомъ, за что изгоняется изъ Берлина.

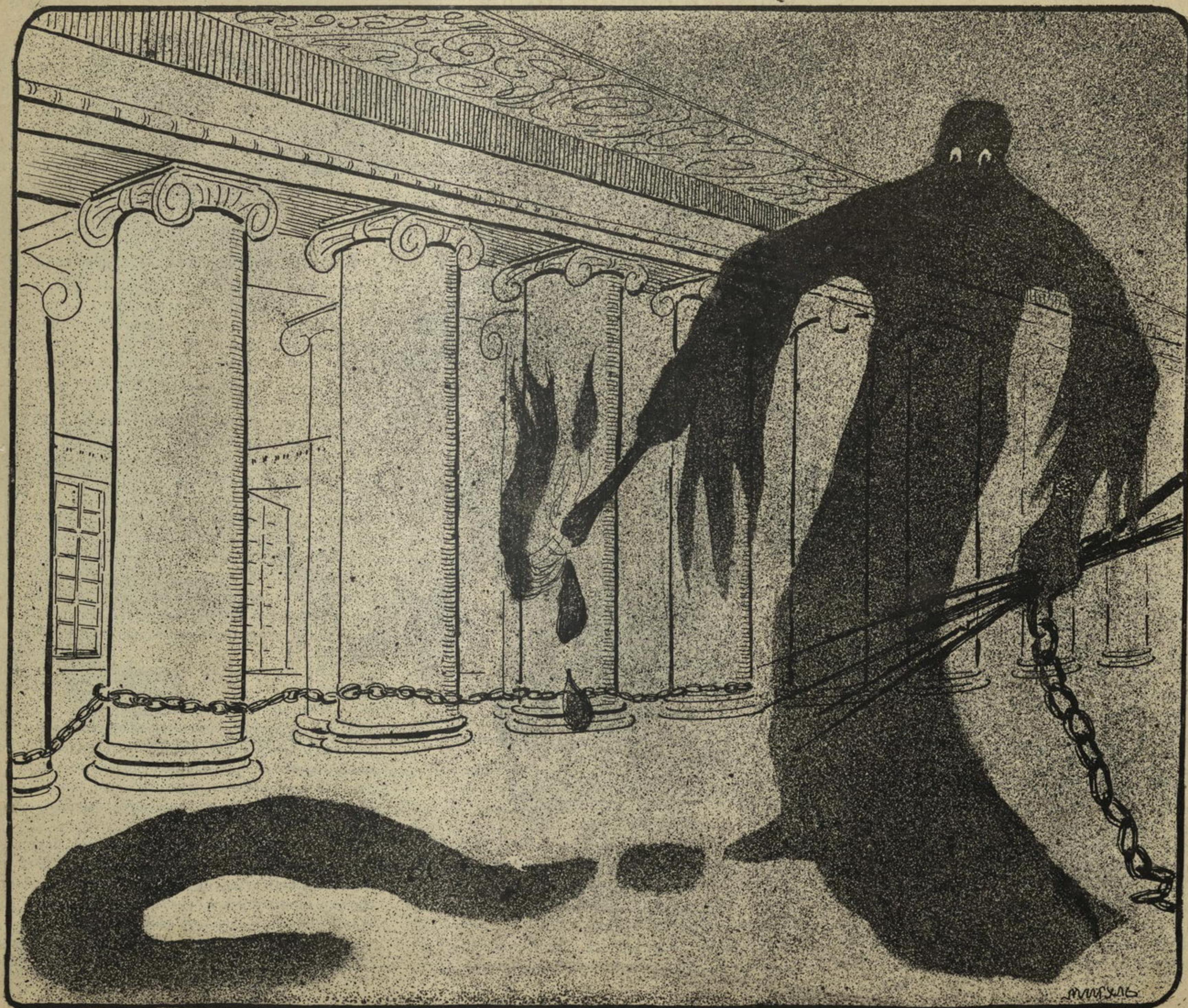
8) 1900 г. Получаетъ казенное возмездіе за сгорѣвшую на пожарѣ мебель—190.000 р.

9) 1904 г. Ораторствуетъ на Гультской конференціи.—

10) 1905 г. Усмиряетъ голодныхъ и безземельныхъ крестьянъ Черниг. губ.

Въ Таврическомъ дворцѣ въ последнее время каждую ночь появляется странная фигура, похожая на тѣнь, которая бросаетъ отъ себя еще болѣе странную тѣнь. Говорящая тѣнь

Что-же касается Государственной Думы, то въ тюремномъ вѣдомствѣ объ этомъ ничего не слышно.

Телеграммы.

Тамбовъ. Вслѣдствіе крайняго недостатка въ губерніи кормовыхъ средствъ, губернаторъ издалъ обязательное постановленіе, согласно коему въ деревняхъ великій постъ долженъ начаться на двѣ недѣли раньше календарнаго срока. Масляница совсѣмъ отмѣняется.

Москва. Избранная Городской Думой коммисія подѣ предсѣдательствомъ городского головы Гучкова, по вопросу о чествованіи полиціи въ благодарность за благополучное разгромленіе первопрестольной столицы, рѣшила устроить банкетъ подѣ открытымъ небомъ на одной изъ площадей Москвы, только не на Красной. Вмѣсто пирожковъ къ супу будутъ подаваться фаршированныя бомбы.

Разсказываютъ, что баронъ Мелемъ, уѣзжая за границу для изученія организациі полицейской службы, высказалъ: „было-бы для стечества полезно, если-бы меня послали за границу гораздо раньше“.

Минскъ. Мѣстный губернаторъ изобрѣлъ особое приспособленіе, благодаря которому бомбы, ударяясь оголову, сановника не разрываются. Мѣстный же полицеймейстеръ изобрѣлъ другое приспособленіе, благодаря которому, когда въ него, полицеймейстера, стрѣляютъ, то бывають ранены не онъ, а почтальоны и солдаты. И тотъ и другой получили массу поздравленій. Со стороны почтальоновъ и солдатъ поздравленій не послѣдовало.

Тифлисъ. Убитъ бомбой очередной генералъ.

Симферополь. Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ крестьяне, послѣ праздничнаго отдыха, вновь принялись за работу по сжиганію усадебъ. Дѣло идетъ успешно. Усадьбы горятъ красиво. Вслѣдствіе усиленнаго огня, происходитъ преждевременное таяніе снѣгомъ на Чатырдагѣ. Опасаются наводненій.

Тула. Инженеръ Чаевъ, за то, что, съ разрѣшенія губернатора, оказывалъ помощь голодающимъ, арестованъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ. На заявленіе его, что у него имѣется разрѣшеніе отъ губернатора, жандармскій унтеръ-

офицеръ сказалъ: а мнѣ плевать на твоего губернатора. Инцидентъ исчерпанъ. Губернаторъ не подалъ въ оставку.

Москва. На желѣзныхъ дорогахъ московскаго узла рѣшено арестовать всѣхъ начальниковъ станцій, ихъ помощниковъ, кондукторовъ и машинистовъ. Въ министерство внутреннихъ дѣлъ посланъ запросъ относительно того, кѣмъ замѣнить

Хулиганъ.

ихъ. Министръ отвѣтилъ, что въ скоромъ времени послѣдуетъ ускоренный выпускъ правовѣдовъ и лицейстовъ, которые все равно ни на что не нужны.

Въ Москвѣ образовался новый кружокъ „художественныхъ исканій“ подѣ девизомъ: „хоть

травка не расти“. Политически-зрѣлые члены кружка находятъ, что теперь самое время начать борьбу съ рутинной... оперныхъ спектаклей. Динамита не потребуется.

Москва. (случайная). Адмиралъ Дубасовъ приказомъ по полиціи запретилъ кормилицамъ ношеніе красныхъ лентъ въ традиціонныхъ кокошникахъ. Полагаютъ, что этой мѣрой революція будетъ окончательно задушена.

Извѣстіе, достойное кисти художника...

На дняхъ къ министру народнаго просвѣщенія явилась депутація поговорить о народномъ университетѣ. Университетъ, какъ извѣстно, есть верховный разсадникъ просвѣщенія; ну, естественно, что о разсадникѣ надо говорить съ садовникомъ, а министръ народнаго просвѣщенія и есть, такъ сказать, садовникъ просвѣщенія.

Министръ „чрезвычайно сочувственно откликнулся“ и „пошелъ на встрѣчу“...

О, да, да, народный университетъ!—можетъ быть, вы думаете, господа, что я считаю его не важнымъ? О, нѣтъ, напротивъ, я считаю его очень важнымъ, ужасно важнымъ и готовъ содѣйствовать вамъ всѣми „зависящими отъ меня“ средствами. Но чѣмъ именно я могу быть вамъ полезенъ?

Вопросъ дѣйствительно головоломный: чѣмъ можетъ быть министръ народнаго просвѣщенія полезенъ народному просвѣщенію? До сихъ поръ по крайней мѣрѣ они оказывались для него вредными.

— Во первыхъ, мы просимъ васъ дать намъ помѣщеніе...

— Помѣщеніе? гм... гм... Прекрасно: я произведу разслѣдованіе—имѣются-ли при какихъ—либо учебныхъ заведеніяхъ свободныя помѣщенія, могущія оказаться пригодными для вашей цѣли.

— Мы думаемъ, г. министръ, что это не только наша цѣль, но и ваша—и это главнымъ образомъ.

— О, да, да, конечно... Просвѣщеніе народа,—да, да!.. но вы же знаете, я такъ занятъ. Эти забастовки, бойкоты, союзы... Все это поглощаетъ все мое министерское время и мнѣ не до того... Чѣмъ еще могу служить вамъ, господа?

— Господинъ министръ, мы не обладаемъ достаточными средствами, чтобы поставить исполнѣ

Предвыборная фильтрация избирателей.

солидно такое важное дѣло, какъ народный университетъ. Мы надѣмся, что при нашемъ содѣйствіи государство окажетъ денежную поддержку дѣлу такой большой государственной важности.

— Денежную? Чго вы? что вы, господа! О деньгахъ и заикаться теперь нельзя! деньги всѣ давно ушли на... на... Ахъ, да не все-ли равно, на что они ушли,—ихъ теперь не вернешь. Тѣмъ болѣе, что это было при другихъ министрахъ...

— Ну, хорошо, господа! Мы денегъ у васъ просить не будемъ, мы сами найдемъ ихъ. Но мы желаемъ имѣть ваше ручательство, что народный университетъ будетъ избавленъ отъ какого-бы-то ни было вмѣшательства администраціи въ его внутреннюю жизнь...

— Гм... гм... Вамъ извѣстенъ, господа, адресъ Дурново? Вотъ онъ... честь имѣю кланяться...

Важное извѣстіе.

Въ скоромъ времени будутъ опубликованы измѣненія основныхъ законовъ—въ самомъ радикальномъ духѣ, соотвѣтственно наиболѣе либеральнымъ западнымъ конституціямъ. Полное равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, гарантія личной неприкосновенности и всѣхъ свободъ. Изданіе будетъ роскошное, въ специально заказанномъ въ Англіи тисненномъ переплетѣ и, какъ слишкомъ драгоценное, будетъ храниться въ эрмитажѣ для безпрепятственного осмотра публикой.

Для пользованія-же гражданъ будутъ одновременно съ симъ изданы *спеціальные законы*, составленные министромъ Дурново и представляющие собой *исключенія изъ общихъ конституціонныхъ правъ*.

1906—2906

„Страничка изъ исторіи государства Россійскаго.“

...Это было давно... Такъ давно, что тогда еще были люди, [которые назывались министрами, и былъ министр-премьеръ. Ровно 1000 лѣтъ тому назадъ въ Россіи былъ премьеромъ Сергій Витте. Разбирая разрозненные номера сатирическихъ журналовъ, найденныхъ при раскопкахъ развалинъ зданія „судебныхъ установленій“, мы наткнулись на подробныя характеристики всѣхъ министровъ, ихъ премьера и многихъ государственныхъ мужей, мы узнали также много интереснаго о внутреннемъ устройствѣ государства, „объ исконныхъ началахъ“, на которыхъ оно созидалось.

Изучая эти характеристики, мы, люди 2,906 года, не можемъ не подивиться той самоотверженности, какую проявляли сотрудники тѣхъ журналовъ. Даже теперь, черезъ 1000 лѣтъ, отъ сюжетовъ этихъ страшныхъ памятниковъ вѣетъ такимъ зловоннымъ духомъ наглости, насилія и лжи, что историкъ не можетъ безъ содраганія изучать ихъ.

Во-первыхъ каждый министръ полагалъ, что ему по праву принадлежитъ та часть Россіи со всѣмъ ее населяющимъ, которая поступила въ его „кормленіе“ (подъ его завѣдываніе) по соглашенію съ премьеромъ. Во-вторыхъ, премьеръ думалъ, что вся Россія со всѣмъ ее населяющимъ и съ министрами

Прибалтийскіе бароны просятъ защиты отъ Латышей у русской власти, не выходя, однако, изъ-подъ прусской каски.

принадлежитъ ему по праву. А Россія думала, что и премьеръ и министры ошибаются.

Изъ этого и вышло недоразумѣніе, которое 1000 лѣтъ тому назадъ называлось словомъ „революція“.

Въ то время это слово пользовалось успѣхомъ, доказательствомъ чему служитъ то, что люди, которые говорили, что они умѣютъ дѣлать „революцію“—получали казенную квартиру, содержа-

ніе, уходъ и все, за что они прежде должны были платить. Это были нѣчто въ родѣ пансіоновъ, извѣстныхъ въ то время подъ именемъ „Тюрьмы“.

Однимъ изъ ближайшихъ исполнительныхъ органовъ правительства былъ союзъ людей, который обозначался словомъ „полиція“. Это слово повидимому было синонимомъ слова „разбойникъ“. На такое открытіе насъ навелъ слѣдующій фактъ: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда гражданину (по тогдашней терминологіи—обывателю) приходилось спасать свою жизнь и имущество,—его друзья предупреждали его двояко: они кричали — или: „полиція“ или—„разбойникъ“. Въ послѣднемъ случаѣ гражданинъ не былъ такъ быстръ на ноги, какъ въ первомъ.

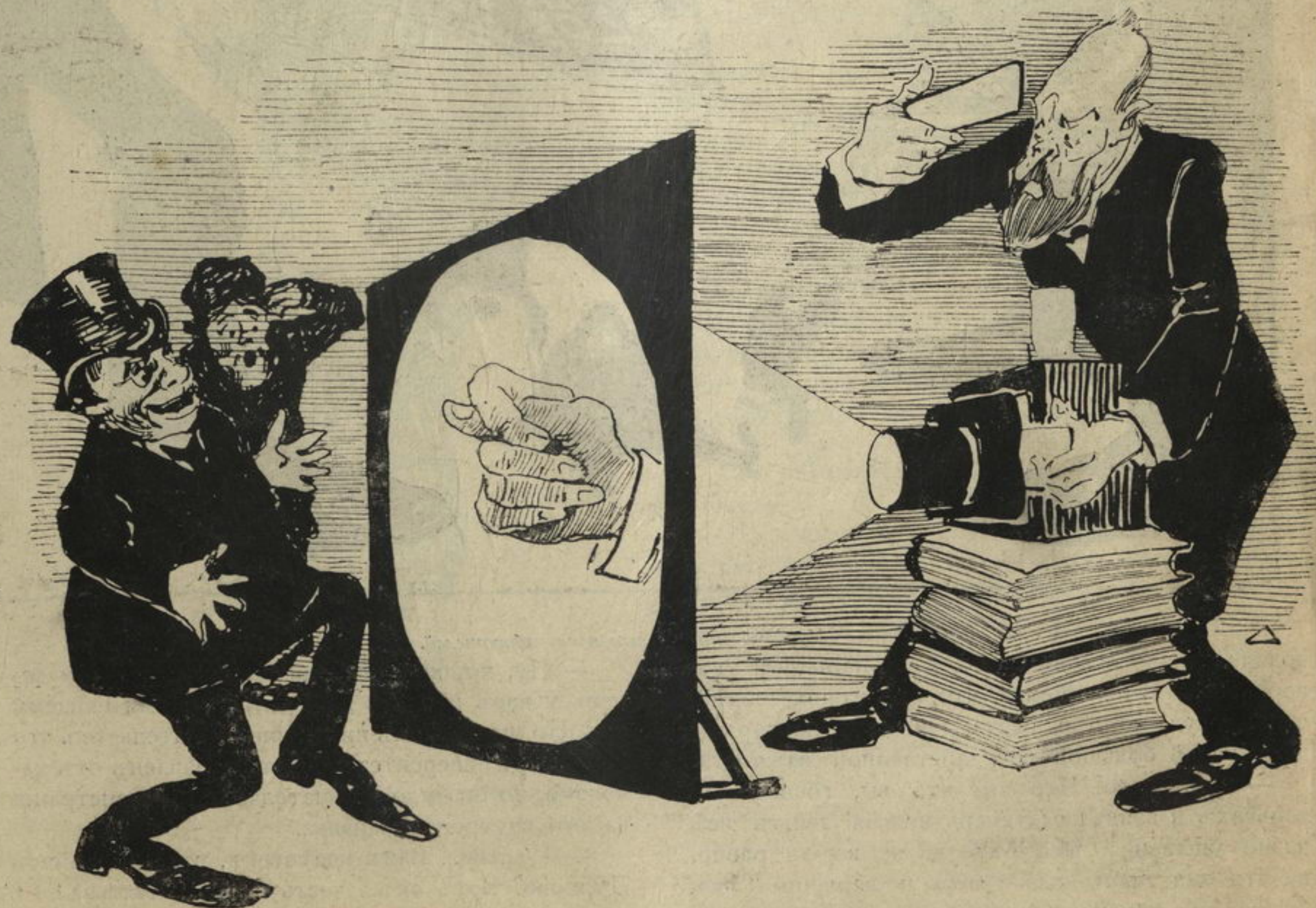
Для того, чтобы попасть въ этотъ союзъ, нужно было доказать свою способность къ полицейской

службѣ. Самымъ лучшимъ доказательствомъ было представленіе надлежащаго свидѣтельства объ участіи въ погромѣ, избіеніи извѣстной категоріи лицъ: „жидовъ“, „скубентовъ“, „ентилихентовъ“, „очковатыхъ“ и „волосатыхъ“ *)—для нижнихъ чиновъ, и изгнаніе изъ полка за шуллерство и мошенничество (и тетушкинъ хвостикъ — для высшихъ чиновъ).

Содержаніе союзъ этотъ получалъ отъ обывателей, при чемъ чины добровольно взыскивали опредѣленные суммы, (впрочемъ нерѣдко и неопредѣленные).

Послѣднее обстоятельство подтверждается тѣмъ, что за все время существованія союза ни одинъ изъ обывателей не могъ сказать: „я поса-

*) Пользуемся программой партіи правового порядка.

— „Ахъ, извѣните, граждане, Это—но ошибкѣ..“

диль полицейскаго на скамью подсудимыхъ и его закатали“.

За послѣдніе годы своего существованія союзъ принялъ программу партіи „высшей филантропіи“, а именно: онъ по мѣрѣ силъ старался оградить подвѣдомственнаго ему обывателя отъ шума повседневной жизни, для чего помѣщалъ его въ особые павильоны, которые назывались „камерами“, (нѣчто, родственное пансіонамъ, называвшимся „Тюрьма“), и, такъ какъ изъ этихъ „камеръ“ часто доносилась особая музыка, то въ послѣдствіи такая музыка стала называться „камерной“.

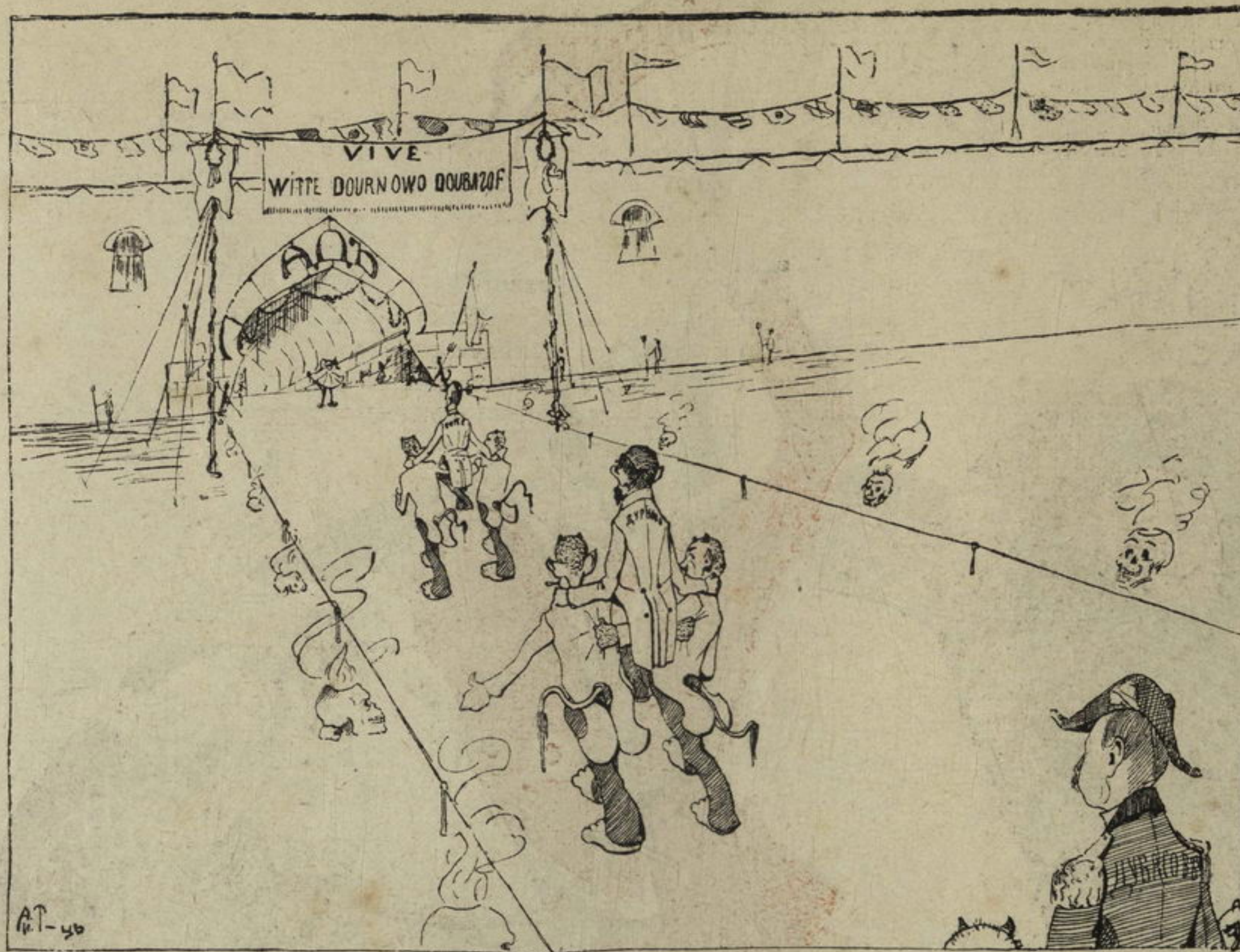
Апогея своего развитія „камерная музыка“ достигла въ премьерство Сергѣя Витте, который сочинилъ къ ней собственную пляску.

Кромѣ того союзъ старался облегчить положеніе обывателей тѣмъ, что увозилъ изъ ихъ квартиръ и уносилъ изъ ихъ кармановъ все то, что находилъ тягостнымъ и обременительнымъ для ихъ спокойствія и вреднымъ для неприкосновенности ихъ личности.

Справедливость требуетъ отъ насъ, какъ отъ безпристрастныхъ историковъ, чтобы мы отмѣтили некультурность, грубость и непониманіе своихъ интересовъ, которыя царили въ современномъ союзу обществъ.

Вмѣсто того, чтобы оцѣнить всю пользу, безкорыстно и самоотверженно приносимую ему союзомъ, общество взводило на него въ печати (въ злонамѣренной ея части) разныя напраслины и вмѣсто благопристойной благодарности осыпало неслестными даже для полицейскаго эпитетами, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже снимало, насильственнымъ путемъ, многихъ полицейскихъ съ постовъ.

Еще большаго удивленія заслуживаетъ другой

Торжественное прибытіе героевъ для полученія заслуженныхъ мѣстъ.

союзъ, въ которомъ могли быть членами только „казаки“; для вступленія въ этотъ союзъ нужно было привести лошадь, винтовку (патроны выдавались за счетъ популярнаго въ то время мецената и филантропа—Трепова) и особаго рода летательный инструментъ, который назывался „нагайка“.

„Казаки“ отличались моральнымъ скопчествомъ, которое состояло въ томъ, что они не признавали ни родства, ни свойства, ни какихъ либо чловѣческихъ чувствъ.

„Казаки“ при употребленіи своего летательнаго инструмента („нагайка“) входили въ религіозный экстазъ и опускали его на головы всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ; дѣйствіе это назы-

валось на языкѣ правительства „поддержаніемъ порядка и охраненіемъ исконныхъ началъ“.

Реакціонная печать называла это—„охлажденіемъ горячихъ головъ“, а прогрессивная печать—„лупцованіемъ“.

„Казаки“ очень любили лупцовать и „жрать водку“.

По официальнымъ даннымъ, казаки работали за „спасибо!“

„Полиція“ и „казаки“ очень не любили „забастовщиковъ“.

„Забастовщиками“ назывались люди, которые очень любили „голодовку“.

„Голодовкой“ назывался рабочий праздникъ, который тянулся иногда даже нѣсколько мѣсяцевъ. Этотъ праздникъ имѣлъ сходство съ олимпійскими играми, но у забастовщиковъ состязанія не были такъ разнообразны и сводились только къ возможно долшему непринятію пищи.

Кромѣ этого отличія, были еще два очень существенныхъ: у забастовщиковъ въ празд-

ненствѣ разрѣшалось принимать, на равныхъ правахъ, участіе всѣмъ лицамъ безъ различія пола и возраста, а также мѣста, гдѣ производились состязанія, не считались (какъ это было у эллиновъ) священными и потому часто занимались „казаками“.

„Въ этомъ мѣстѣ повѣствованіе историка прерывается, благодаря цѣлому ряду залитыхъ кровью страницъ..... но дальше снова идутъ свѣтлыя, чистыя страницы, съ которыми мы со временемъ познакомимъ читателей.“

Рукопись нашель:

И. Г-чъ.

Изд. К. Четвериковъ.

29 Января.

Электротпечатня К. А. Четверикова. Спб. Караванная, 7.

Отвѣт. Ред. И. Н. Поталенко.

1906.

